

3,5/5 (16 голосов)

Творчество

Здесь птицы не поют...

*Снова пришла удача,
В рыбе стою по пояс,
Рядом усталой клячей
Холодом дышит Полюс.
А. К. Малышев*

Сегодня целый день у меня в голове звучит мелодия из фильма «Белорусский вокзал»: «Здесь птицы не поют, деревья не растут...» И я понял, как неожиданно близки мне эти слова здесь, куда вновь, через много-много лет, забросила меня судьба. Как точно они относятся ко всему Мировому океану и к этому волшебному месту – Антарктике.

Почему наша планета называется Землёй? Это неправильно! Ведь суша занимает всего-то менее 30 % поверхности нашего «шарика». Мне, океанологу, обидно... А почему не Океан? Как бы правильно это звучало: «Наша родная планета Океан». Может быть, тогда люди по-другому и относились бы к океанам. Может быть, тогда они берегли бы и сохраняли своё достояние, своё богатство, свою колыбель, может быть, тогда мы знали бы о своей планете хоть немного больше, может быть тогда... может быть... Да, согласен, размечтался. Сегодня мы гораздо больше знаем о далёком космосе, чем о своей планете. А это диагноз... Диагноз всему человечеству. Но – не будем о грустном...

Антарктика, моя любимая Антарктика! Она особенно уязвима, она совершенно беззащитна перед лицом человеческого потребления. Этот уголок планеты пока ещё не очень обижен человеком «разумным», – извините за кавычки, – сравнительно, конечно. Первый раз здесь «наступили на грабли» в конце 60-х, когда «задавили» мощными отрядами крупнотоннажных тральщиков мраморную нототению. Ловили по потребности, не обращая внимания на робкие призывы отдельных учёных (глас вопиющего в пустыне) остановиться. Где там... Мало того что ловили, так ещё и отходы производства валили, почём зря, за борт... Не заморачивались производством ни рыбной муки, ни рыбьего жира. В результате – нет больше великолепной, деликатесной рыбы. Есть-то она, конечно, есть, да кто ж её съест... Простите за каламбур. Иногда на прилавках появляется нечто под товарным названием «нототения», но не спешите за покупкой, господа, это совершенно

другая рыба. Возможно, это сквама, или серая нототения, – ну, это вам ещё повезло, а может попасться бычок, или зелёная нототения, совсем уж невкусная рыба. Имеется ещё несколько вариантов... но сегодня у нас другая тема.

Придонная температура на глубинах промысла мраморной нототении (400–500 м) – около нуля градусов, и в таком холодильнике бесхозно выброшенные за борт рыбы «потроха» великолепно сохранялись годами. В конце 70-х наши исследовательские тралы, на местах бывших сражений, ещё приносили целенькие (хоть вари уху) головы мраморной нототении. Но природа имеет свои механизмы самоочищения – где-то к середине 80-х естественным образом очистились заваленные рыбьими головами промысловые площадки Южной Георгии (ложбина Бородатова, ложбина нототении и др.). Здесь, на деликатесных запасах, во множестве расплодился морские ежи, некоторые виды крабов и другие донные организмы и, в конце концов, сделали своё дело. Есть сведения, что популяция мраморной нототении на Южной Георгии восстанавливается. Ну, дай-то Бог. Но не следует нам успокаиваться и забывать о некогда содеянном.

Много ещё деликатесных рыбных объектов есть в Антарктике, и первый среди них – клыкач.

Мне кажется, что именно история промысла мраморной нототении и подтолкнула часть государств, реально заинтересованных в эксплуатации живых ресурсов Антарктики, к созданию одной из немногих реально работающих систем по защите этих самых ресурсов, – системы международного научного наблюдения. Это были государства-члены АНТКОМ. Сама по себе конвенция, подобно множеству прочих конвенций, договоров, мер и принципов, излагающих полезные вещи, не работала. И оставалась бы она перечнем благих намерений, которые известно куда ведут, не будь принято в начале 90-х решение о создании системы международного научного наблюдения.

Конвенция АНТКОМ декларирует своей основной задачей защиту всех живых ресурсов Антарктики, за исключением китов и тюленей, которые находятся под защитой специализированных конвенций. Система международного научного наблюдения реально взяла под свою защиту два родственных вида клыкачей: патагонского и антарктического. Эти два вида очень похожи. Их не сразу удаётся отличить и специалистам. Клыкача, который распространён циркумполярно вокруг всей Антарктиды, было не так легко добыть и уничтожить, как легендарную мраморную нототению. Скорее всего потому, что проживает эта великолепная по вкусовым качествам рыба – как говорят про неё мои украинские друзья: «Як сало!» – значительно глубже. Оптимальными глубинами промысла считаются 600–1800 метров. Однако человек и здесь «приговорил» бы её, так что вмешательство АНТКОМ было весьма своевременным.

Сегодня промысел клыкача ведётся в строго регламентированном порядке. На каждом промысловом судне находятся по два научных наблюдателя: национальный и международный. Эти специалисты имеют соответствующее образование и опыт работы в профильных организациях своих стран. Именно по их данным – данным независимых специалистов, учёные АНТКОМ разработали сроки начала и окончания промысла, научно обосновали квоты по каждому подрайону; опираясь на их независимые данные, приняты и ежегодно совершенствуются меры по сохранению, которые легли в основу организации рационального промысла клыкача в Антарктике.

На АНТКОМовскую тему

Разрешите мне сказать:

Уязвимые системы

Не позволим уязвлять.

Что же, значит всё хорошо, всё отлажено, всё совершенно?

Нет. Конечно же, нет. Работы ещё непочатый край.

Государствами-членами АНТКОМ ведётся постоянная работа по подготовке научных наблюдателей. У нас в России этим занимается Всесоюзный научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО). С 2014 года все кандидаты на пост наблюдателей участвуют в семинаре по подготовке международных и национальных научных наблюдателей; они после сдачи экзамена получают «Сертификат научного наблюдателя АНТКОМ», который удостоверяет право соискателя быть научным наблюдателем на промысле клыкача в зоне действия АНТКОМ сроком только на один год. В следующем году кандидат на должность научного наблюдателя должен снова участвовать в семинаре, чтобы в новом году работать в точном соответствии с ежегодно изменяемыми мерами по сохранению, перенять опыт коллег, передать свой опыт и предложения по совершенствованию системы. Вот и мне, после долголетнего сидения в начальственном кресле, в этом году удалось вернуться на «оперативную» работу. Говорят, что в одну реку не входят дважды, а мне вот удалось... С удовольствием выполнял обязанности международного научного наблюдателя на борту украинского ярусолова «Симеиз».

*Тебе, Антарктика, я вновь готов служить,
Здесь я опять наполнен доброй силой.*

Это было несколько затянувшееся вступление. Вернёмся же к началу этого очерка-репортажа «Здесь птицы не поют...» Не до песен этим работягам: вечным странникам альбатросам, прекрасным планеристам буревестникам, и уж тем более не до песен пингуинам. Не стрекозы... У них каждый божий день на счету, «лето красное» в разгаре. Но очень уж оно не похоже на наше, привычное лето. Температура около нуля, лёд, ветер до штормового, осадки, чаще всего в виде снега. А сезон 2014–2015 годов, как уверяют старожилы, совсем не похож на предыдущие. Пресловутый «ледовый пояс» всегда преодолевался с трудом, но как заслуженная победа рыбаков ждала открытая ото льда поверхность – полыньи морей Амудсена и Росса. В этот раз промысловые участки не открылись до самого Нового 2015 года. А «пароходы» пытались пробиться... Каждый стремился быть первым и занять самые «хлебные» участки распространения скоплений клыкача. И это приводило к повреждениям: не выдерживали старенькие корпуса, трещали лопасти винтов, гнулись оси, «летели» детали двигателей. К счастью, обошлось без гибели судов, как уже случилось на этом непредсказуемом «марафоне», но выбывшие из битвы пароходы были.

Господа судовладельцы, вы содержите ярусоловы, ежегодно снабжаете их, рискуете крупными деньгами – так почему бы вам не скинуться на аренду небольшого ледокола, который обеспечит безопасную проводку судов и прекратит эту ежегодную гонку за рыбой, которая приводит к гибели людей, к гибели и вашей собственности – самих судов? Это очень недёшево вам обходится. Уверен, что АНТКОМ вас поддержит, а при соответствующем финансировании, и поможет в оптимальном варианте организовать ледокольную проводку судов. Обязан поддержать, ведь выполнению его главной задачи – сохранение живых ресурсов Антарктики – не способствует гибель судов в зоне АНКОМ. Это же десятки тонн такелажа, пластмассы и тому подобных материалов, не говоря уже о сотнях тонн топлива...

Суров и бескомпромиссен мир Антарктики. Но до чего же хороша её девственная природа – вот оно, настоящее белое безмолвие... Белое – потому что льды и айсберги; белое – потому что снег идёт большую часть времени; белое – потому что круглые сутки день... Белое солнце иногда выглядывает из-за снежных туч, ослепляя всё, что передвигается по ледяным полям. Это тюлени и пингины, а больше никто здесь и не живёт. Тюлени не тратят энергии на пустое. Если они не питаются, то спят себе прямо на льду, а если ветрено, прячутся за «ропачок» и там продолжают спать, а если пароход подходит совсем близко и беспокоит животных, они уползают, потряхивая

жирными телесами. Издали они больше всего похожи на огородных слизняков, которых можно в изобилии наблюдать на наших дачах.

*На пречистые поля –
На морское сало,
Белым белое беля,
Падал снег устало.*

Иное дело пингвины. Маленькие подвижные пингвины Адели, очень общительные и любопытные создания, выстраиваются вдоль кромки ледяного поля и размахивают своими крылышками-обрубками – интересуются; и если судну случается остановиться во льду, они тут как тут. Собираются группами по 3–7 экземпляров и активно общаются с экипажем, но быстро теряют интерес к пришельцам и спешат заняться своими пингвиньими делами. В вертикальном положении они передвигаются медленно, раскачиваясь всем телом, а если нужно быстро, катятся на пузиках, как у нас ребятишки катались когда-то с ледяных горок. Кстати, ошибался наш великий пролетарский писатель Максим Горький насчёт «жирного пингвина». Мне случалось поднимать на руки этих «маленьких птичек» – сплошной комок мышц, удержать пингвина в руках весьма не просто...

*Нет, пингвин совсем не робок
И не жирен, господа.
Он не скачет по дорогам.
Это правда. Это да.*

Гораздо реже здесь встречаются императорские пингвины, но в этом году мы видели и группы до пяти экземпляров, и пары, и одиночных «императоров». Их легко отличить от Адели по размерам, по ярким жёлтым «слюнявчикам» на груди, но главное – это воистину императорское величие: гордая посадка головы и чёрный удлинённый фрак. Хотя когда судно приближается к ним непочтительно быстро, они теряют королевское присутствие духа и спасаются бегством точно так же, как их маленькие родственники, – на пузе.

В первой части нашего ледового перехода (избегаю словосочетания «ледовый пояс», в этом году никакой это не пояс – это тулуп какой-то) мы наблюдали все формы плавающего морского льда: прекрасный блинчатый, классическое сало, мелкобитый и крупнобитый лёд – и, наконец, пошли обломки ледяных полей разного размера, обильно украшенные айсбергами.

Это огромные старые льдины-конгломераты, несущие на своих дебёлых плечах всю историю своей жизни, историю баталий с соседними льдинами, рубцы и шрамы от прошлых разломов при столкновениях и лобовых таранах айсбергов. На поверхности таких бывалых льдин видны ропаки (вертикально и не очень вертикально поднятые плоские поверхности), из-за этого пейзаж напоминает занесённое снегом городское кладбище... Почему городское? Ну, возможно, сейчас и на сельских погостах ставят разные (по вкусу и достатку) гранитные и мраморные плиты, которые беспорядочно понатыканы по телу кладбища.

Выше я упомянул о столкновениях ледяных полей с айсбергами. Ну да, они, айсберги, конечно же, выходят из боя победителями, но кое-какие потери всё же несут – тут и там на льдинах видны не могилы-ропаки, а яркие голубые вкрапления чистого материкового льда. Это красиво, но для судна, несущегося на всех парах за рыбацкой удачей, весьма опасно! В этом районе на горизонте

одновременно можно наблюдать более сотни разнообразных по формам и размерам айсбергов. Айсберги – это паруса ледяных полей. Имея самую невероятную форму надводной части и не менее причудливую конфигурацию подводной, – а это ведь до $\frac{3}{4}$ общей высоты гиганта, – айсберг передвигается под суммарным воздействием ветра и течения. Ну и попробуйте предсказать, куда поплывёт эта махина, куда повлекут её подводные и надводные «крылья»... Эти паруса гуляют сами по себе. Они переходят из одного ледяного поля в другое, дробя их на части и перенося в самом невероятном направлении.

Вот так в моей Антарктике всегда – прекрасное соседствует с ужасным, но всегда она остаётся до конца непознанным, далёким и манящим Пятым океаном нашей планеты.

Калининград,

июль 2015